

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА И ВОЙНА: АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ
К ИССЛЕДОВАНИЮ ТРАВМЫ ВОЙНЫ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО
ЧЕЛОВЕКА

Биндарева Т.А., старший преподаватель кафедры психологии; *Какунина Е.В.*, старший преподаватель кафедры психологии; *Кресова Н.Ю.*, старший преподаватель кафедры психологии;
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск

Аннотация: В статье представлены современные подходы к исследованию психологической травмы как категории отражающей феномен войны в структуре индивидуального и коллективного опыта. Показан центральный механизм, обеспечивающий передачу травматического опыта между поколениями. Описаны психологические проявления травмы.

Ключевые слова: психологическая травма, травма войны, сознание современного человека, психические расстройства, посттравматический синдром, индивидуальная травма.

Bindareva T. A. - *graduate student*, senior lecturer of the department of psychology at the Krasnoyarsk State pedagogical university named after V.P. Astafiev, spo7629@gmail.com, E.V. Kakunina, - *graduate student*, senior lecturer of the department of psychology at the Krasnoyarsk State pedagogical university named after V.P. Astafiev, elen_kakunina@mail.ru, Kresova N.U. - *graduate student*, senior lecturer of the department of psychology at the Krasnoyarsk State pedagogical university named after V.P. Astafiev, kresova@inbox.ru

TRAUMA AND WAR: RECENT APPROACHES TO THE STUDY OF WAR
TRAUMA IN THE CONSCIOUSNESS OF MODERN MAN

Abstract: the article presents modern approaches to the study of psychological trauma as a category reflecting the phenomenon of war in the structure of individual and collective experience. The Central mechanism that ensures the transfer of

traumatic experience between generations is shown. Psychological manifestations of trauma are described.

Keywords: psychological trauma, war trauma, modern human consciousness, mental disorders, post-traumatic syndrome, individual trauma.

В психологии категорией, наиболее точно отражающей проблематику войны, по праву можно назвать понятие «психической травмы». В научной литературе впервые этот термин появляется в конце XIX века и связан с именем Э. Крепелина, который рассматривал психические расстройства в одном ряду с другими заболеваниями, полагая, что, как и другие болезни, психические расстройства вызваны бактериями, вирусами, травмами или токсинами.

Медицинскому пониманию травмы как «раны» и в целом симптомоцентрированному взгляду на психику оппонировали З. Фрейд, К.Г. Юнг и другие авторы. Они показали на клиническом материале, что появление расстройства связано прежде всего с предшествующими переживаниями человека: идентичные психотравмирующие факторы не приводят к одинаковому результату, следовательно, первичной в появлении психических трудностей является собственно личность и её индивидуальное строение [6].

Полемика была оттеснена на задний план событиями XX века, однако эти же события генерировали условия для изучения травмы как психологического феномена. Так, во время Первой мировой войны появились психологические исследования артиллерийского или окопного шока, -«посттравматический синдром» описывал состояние солдат, переживших гибель товарищей в непосредственной близости от них и те последствия, которые преследовали свидетеля войны, препятствуя полноценной жизни в мирное время. Вторая мировая война, Холокост и колоссальные потери, которые понесло человечество потребовали нового языка повествования для осмысления произошедшего. Понятие «травма» из клинического формата попадает в более широкий культурно-исторический дискурс.

Джеффри Александер выделяет в современных социальных и гуманитарных науках две основные модели понимания травмы. Первая модель – *просвещенческая* рассматривает травму как вид рационального ответа на внезапные перемены. Такие травматические события хорошо осознаются людьми, а сходные явления закономерно вызывают одинаковую реакцию. Примером могут служить природные катастрофы, универсальным ответом на которые является паника; техногенные катастрофы, которые приводят к развитию фобий; политические скандалы – вызывают возмущение; в ответ на военные потери растёт негодование и безысходность. По мнению автора, негативный опыт полученный в результате травматического события, становится своего рода триггером, вызывающим резкие социальные изменения на коротком временном отрезке.

Вторая модель, которую выделяет Дж. Александер, – *психоаналитическая*. В центре идея о том, что ответом на травматические события являются неосознанные действия. Те, кто пережил травматический опыт (война, насилие, смерть, унижение) не способны интегрировать опыт в структуру психического, поскольку он сопряжен с ужасом и болью, поэтому травма не подлежит рациональному осмыслению и активно вытесняется из сферы сознания. В результате травматический опыт либо полностью забывается, либо серьезно искажен и может быть осознан только в терапевтическом процессе [1].

Для обеих моделей, рассмотренных Дж. Александером, характерно представление о том, что травма бывает как индивидуальной, так и коллективной. Поскольку воспоминания о травматическом прошлом существуют в коллективной памяти лишь в виде символических остатков, то для исследователей представляется важным изучение элементов культуры – в первую очередь, литературы. Поскольку травматический опыт невозможно выразить прямо, его выражают в художественной форме, так интерпретация произведений культуры является способом нормализации травмы, вербализации травмы и преодоления её [7].

В контексте индивидуальной травмы, важно отметить вклад Э. Эриксона, который, разрабатывая проблему формирования идентичности, описал состояние кризиса идентичности, при котором невозможна нормальная консолидация «Я». Исследователи как коллективной, так и индивидуальной травмы активно обращаются к понятию «идентичность», описывая последствия травматических событий как «несформированную национальную идентичность» или дезинтеграцию «Я» [1,4,9].

Влияние травмы войны на сознание современников зафиксировано в наблюдениях психологов, прошедших через концентрационные лагеря. Так, Виктор Франкл выделил потерю смысла в качестве ключевой проблемы, приводящей к угнетению всех систем жизнедеятельности человека. А Бруно Беттельгейм заметил, что первыми в концентрационном лагере ломались те, кого воспитывали в строгости, а «неженки», вопреки ожиданиям, держались стойко, более гибко перенося угнетение, дольше сохраняя себя.

В настоящее время влияние травмы не только на психологическом, но и биологическом уровне (изменение гормонального фона) подтверждается исследованиями (RachelYehudaetal, 2015). Так, в одном из них было показано, что во время войны в Ливане вероятность быть травмированными у солдат израильской армии была на 75% выше, если их родители пережили Холокост. Таким образом, на сегодняшний день существование коллективной, а также межпоколенческой травмы подтверждается методами точных наук.

Исследователи проблемы межпоколенной передачи травмы описывают её как разрыв в символическом содержании, который может быть выражен как в замалчивании (секрет), так и напротив, в чрезмерной детализации, пугающей того, кому передается травматический опыт пережитый предшественниками [5]. Исследователи сходятся во мнении, что основной психологический механизм, отвечающий за принятие травмированного опыта субъектом является *идентификация* в разных её видах [1,3,5]. К настоящему времени описано большое количество различных способов идентификации, каждый из

которых оказывает влияние на формирование «Я» и способ обращения с внешней и внутренней реальностью. Вслед за И.С. Коростелевой приведем некоторые из них [5]:

1. Идентификация с предком, которого ребенок не знал, но который был объектом восхищения или, напротив, стыда и боли матери. Через вербальные и невербальные сообщения, мать передает эту модель для идентификации (Eigeur, 2005).

2. Проективная идентификация, при которой заботящийся взрослый ведет себя таким образом, что ребенок начинает испытывать те чувства, которые не может пережить тот, кто заботится о ребенке (М.Кляйн, 2001).

3. Идентификация по типу вложения (Волкан, 2012) и близкое к ней понятие семейного мандата, предложенное С. Лебовиси (Lebovici, Soule, 2007). Под семейным мандатом понимается приписывание ребенку тех или иных функций, которые он должен исполнять. Это может быть, например, замена умершего ребенка, как это было в случае с В. Ван Гогом.

4. Телескопическая идентификация, когда ребенок настолько идентифицируется со страданиями родителя или умершего родственника, что начинает чувствовать его жизнь как собственную, проживая одновременно две жизни (Faimberg, 1993).

Наиболее подверженной воздействию межпоколенной травмы, по утверждению авторов, является аффективная сфера личности [3,10]. Однако, углубляясь в разнообразие возможных проявлений на эмоциональном и соматическом уровнях, остановимся на явлении, характерном как для индивидуально наследуемой, так и для коллективной травмы. Это явление *виктимизации*, которое может проявляться в героическом нарративе (компенсация не пережитого стыда и боли) или синдроме жертвы [4]. Однако, помимо негативных последствий в своей работе Волкан раскрывает позитивную функцию травмы для социума. Используя понятие «избранная травма», он описывает процесс консолидации нации или этноса, строящих свою

идентичность вокруг избранной травмы, что, несомненно, имеет созидающий эффект, связанный с развитием общественного самосознания [4]. Так, комплекс Отечественной войны для русских людей, по всей вероятности, несет в себе обе эти тенденции, имея неоднозначное продолжение на уровне национальной и индивидуальной истории.

История XX века такова, что невозможно найти нацию, которая не понесла бы потерь. И это ставит нас перед необходимостью учитывать эту глобальную уязвимость и те последствия, которые на индивидуальном и коллективном уровне изменяют каждого из нас, отдельные общества и мир в целом.

Библиографический список:

1. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012 № 3. С. 6-40
2. Беттельгейм Б. Люди в концлагере – США, Фрипресс, Эй Корпорейшн, 1960.
3. Болебер В. Воспоминание и историзация: трансформация индивидуальной и коллективной травмы и её межпоколенческая передача // доклад в рамках Российско-Немецкой конференции «Травма прошлого в России и Германии: психологические последствия и возможности психотерапии», 27-29 мая 2010 г. <https://www.psyoffice.ru/7009-boleber-v.-vospominanie-i-istorizacija.html>
4. Вамик Д. Волкан. Расширение психоаналитической техники: руководство по психоаналитическому лечению – СПб.: ВЕИП, 2012. – 352 с.
5. Коростелева И.С., Ульник Х., Кудрявцева А.В., Ратнер Е.А. Трансгенерационная передача: роль трансмиссионного объекта в формировании психосоматического симптома // Журнал практической психологии и психоанализа. 2017, №2 <https://psyjournal.ru/articles/transgeneracionnaya-peredacha-rol-transmissionnogo-obekta-v-formirovanii>

6. Решетников М. М. Психическая травма - СПб.: ВЕИП, 2006. – 322 с.
7. Сафронова Ю. А. Историческая память - СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. - 220 с.
8. Франкл В. Сказать жизни "да": психолог в концлагере - М.: Смысл, 2004. - 173 с.
9. Шульц Д., Шульц С. История современной психологии - СПб: Евразия, 2002. - 532 с.
10. Krystal H. Integration and self-healing. Affect, trauma, alexithymia. Hillsdale, Analytic Press, 1988.